

Научная статья

УДК 130.2 + 81

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

Прагматический поворот в философии языка в контексте проблем сохранения и развития миноритарных языков*

Марат Николаевич Чистанов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
г. Абакан, Россия

maratchistanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

Аннотация

К началу двадцать первого века практически везде в сфере социально-гуманитарных наук эссенциализм уступает место конструктивистской парадигме. Однако языковой эссенциализм пережил все потрясения и получил классическую форму в гипотезе Сепира – Уорфа о лингвистическом релятивизме. Применение данной гипотезы для анализа языковых сообществ ставит мажоритарные и миноритарные языки в разное положение: сильные языки делает еще сильнее, а малые просто убивает. Задача сохранения миноритарных языков в программах, построенных с применением данной методологии, оказывается неразрешимой. На наш скромный взгляд, более адекватными цели являются две исследовательские парадигмы. Одна из них связана с прагматическим поворо-

---

* Данная статья завершает цикл работ автора, выполненных в рамках коллективного исследования по теме «Язык и культура: философия связи» (см., например: [Чистанов, 2022, 2023]). Общей целью исследований был философский анализ современного состояния языка коренного населения Республики Хакасия, его места в современной хакасской культуре, оценка деятельности государственных и общественных организаций по сохранению и развитию хакасского языка, а также формулировка предложений по повышению эффективности такой деятельности. Вместе с тем в процессе работы над проектом были получены теоретические результаты, которые выходят за заявленные рамки и, по мнению автора, могут быть в дальнейшем использованы не только как методологический подход к решению проблемы сохранения миноритарных языков, но в глобальном плане для анализа функционирования языковых сообществ любой природы.

Полученные результаты вызвали у автора неоднозначные чувства: с одной стороны, нам кажется, что удалось найти точки соприкосновения аналитической философии языка с проблемами сохранения малых и исчезающих языков, связь которых далеко не очевидна. С другой стороны, в ходе исследований не удалось избежать конфликтов и недопонимания с лингвистами, которые проблемами миноритарных языков занимаются давно и, казалось бы, профессионально. Причем недопонимание здесь носило характер не столько терминологический, хотя и этот фактор нельзя не учитывать, но скорее мировоззренческий, потому что зачастую полемика из сферы научной переходила в сферу межличностную, что не могло не сказываться на характере взаимоотношений с коллегами из филологической среды. Как нам кажется, этому коммуникативному парадоксу имеется достаточно рациональное объяснение, которое мы попытаемся изложить в представленной статье.

© Чистанов М. Н., 2023

том в аналитической философии языка и представляет собой переориентацию с анализа структуры самого языка на анализ условий коммуникации с учетом всех социокультурных компонентов этого процесса. Вторая методология – это концепция социального лица и перформативного поведения Ирвинга Гофмана.

Ключевые слова

миноритарные языки, этническая идентичность, языковой релятивизм, прагматический поворот, фреймовый подход

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-28-20099 <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Для цитирования

Чистанов М. Н. Прагматический поворот в философии языка в контексте проблем сохранения и развития миноритарных языков. // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 17–25. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

A pragmatic turn in the philosophy of language in the context of problems of preservation and development of minority languages

Marat N. Chistanov

Khakass State University
Abakan, Russian Federation

maratchistanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

Abstract

By the beginning of the twenty-first century essentialism is giving way to the constructivist paradigm in the field of social sciences and humanities. However, linguistic essentialism survived all the shocks and received a classical form in the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativism. The application of this hypothesis to the analysis of linguistic communities puts majority and minority languages in different positions: it makes strong languages even stronger, and simply kills small ones. The task of preserving minority languages in programs built using this methodology turns out to be impossible. In our humble opinion, two research paradigms are more adequate for the purpose. One of them is associated with the pragmatic turn in the analytical philosophy of language and represents a transition from the analysis of the structure of the language itself to the analysis of the conditions of communication, taking into account all the sociocultural components of this process. The second methodology is Erving Goffman's concept of social face and performative behavior.

Keywords

minority languages, ethnic identity, linguistic relativism, pragmatic turn, frame approach

Acknowledgements

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> with parity financial support from the Government of the Republic of Khakassia.

For citation

Chistanov M.N. A pragmatic turn in the philosophy of language in the context of problems of preservation and development of minority languages. // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 17–25. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

Вопрос о необходимости поддержки и сохранения языков этнических меньшинств в современном полиэтническом государстве носит скорее риторический характер, потому что лишь носитель крайне правой имперской идеологии рискнет возражать против данного тезиса. Но с ними, этими носителями, и так все в принципе понятно: в академическом сообществе такие люди встречаются редко, а взгляды свои с публичной трибуны они высказывают еще реже, раскрываются же они «для своих» либо в кулуарах, либо на сайтах специфической направленности. Другое дело, что борьба за сохранение миноритарных языков в России идет уже много десятилетий, а результаты такой борьбы все еще выглядят очень скромно. Нет, конечно, в регионах, где титульная нация составляет большинство или даже половину от всего населения, состояние языка в целом не вызывает серьезных опасений, хотя даже в Татарстане местные этнические активисты жалуются, что татарский язык постепенно вытесняется из публичной сферы в сферу бытового общения. Гораздо хуже дело обстоит в тех субъектах Российской Федерации, где численность жителей коренной национальности в разы меньше, чем число представителей других этнических групп. Так, в Республике Хакасия лиц, относящих себя к хакасам, по данным 2010 г., чуть больше 12 % (около 80 тыс. человек). При этом в качестве родного языка хакасский язык указали лишь 63,2 % от этого количества. В реальности этот процент еще меньше, потому что многие городские хакасы и дома с близкими предпочитают говорить на русском языке, думают на нем и лишь в ситуациях общения со своими сельскими родственниками переходят на родной язык. В то же время указание хакасского языка в качестве родного становится для таких людей важным элементом самоидентификации, а признание в плохом владении родным языком доставляет настолько сильные моральные страдания, что иные республиканские чиновники готовы даже имитировать знание языка, дабы не «потерять лица».

В данном случае нас скорее интересует сам факт того, что владение языком считается важнейшим фактором этнической идентификации современного человека. Утверждение сущностной значимости языка для существования этноса кажется тривиальным, поскольку еще Гумбольдт утверждает, что «язык – душа народа». В то же время при здравом рассуждении данный тезис не настолько самоочевиден: любой ребенок при рождении никакого языка не знает, обозначает ли это, что он находится вне этнической группы? Если же в этом случае мы ориентируемся на языковую среду, в которой оказывается маленький человечек, то достаточно вспомнить, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин с родителями с детства говорил исключительно по-французски, что отнюдь не делает его французским поэтом.

Признание неразрывной связи этничности с языком стало важнейшим инструментом в деле формирования современных политических границ сначала в Европе, а затем во всем мире. Ныне национальное государство – основной субъект международной политики, а признание права народов на самоопределение является базовым принципом международного права. Но даже в девятнадцатом веке государство в Европе – объединение скорее военно-политическое, причем инкорпорируются в него люди совершенно разного этнического происхождения, говорящие на разных языках и принадлежащие к различным религи-

озным конфессиям. Большинство существующих теорий относят формирование современных наций к началу индустриального периода и используют в качестве объединяющих принципов территорию, биологическое родство, историю, духовную культуру, язык и еще целый ряд признаков, консолидирующих ранее разрозненную совокупность людей в единый организм. Поскольку у истоков теории нации стоит немецкий романтизм и классический идеализм, постольку сам этот принцип зачастую приобретает мистико-интуитивный характер, а такие понятия как «душа народа» или «национальная идея» начинают рассматриваться как врожденные сущности.

Ничего удивительного, что национализм, выросший в таких условиях, за несколько десятилетий преодолел дистанцию от романтического *Volksgeist* до одиозной *Blut-und-Boden-Ideologie*. Закончилось все это двумя мировыми войнами и настолько сильно скомпрометировало первоначальную этнометодологию, что до конца двадцатого века она дожила лишь в форме безобидной описательной этнографии, тихо обитавшей на периферии официальной исторической науки и довольствующейся поездками в отдаленные деревушки с опросом немногочисленных старожилов и сбором пыльных предметов ушедшего быта. Ожидаемо к началу двадцать первого века практически везде в социальной сфере примордиализм или, как его еще называют, эссенциализм, уступает место конструктивистской парадигме.

Подобная ситуация сложилась в большинстве наук, связанных с исследованиями в области социальных групп и общностей. Единственным, пожалуй, исключением осталась лингвистика. Здесь даже в конце двадцатого столетия все еще громко звучали концепции языковой личности и языковой картины мира. Языковой эссенциализм пережил все иные виды социальных эссенциализмов и получил классическую форму в гипотезе Сепира – Уорфа о лингвистическом релятивизме. «Под лингвистической относительностью принято понимать представление о том, что язык оказывает существенное влияние на ментальные процессы и восприятие, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира различных языковых сообществ» [Бородай, 2013, с. 17].

Нужно признать, что слабая версия языкового релятивизма в виде фиксации взаимной зависимости языка, психологии и форм культуры внутри замкнутых социальных групп каких-то особых возражений не вызывает. Совсем другое дело сильная версия этой же гипотезы, которая вытекает из теорий Вильгельма фон Гумбольдта и Лео Вайсгербера: ее прямое применение ставит большие и малые языки в абсолютно неравноправное положение. Понятно, что в периоды создания первых национальных государств протекционизм в отношении государственного языка неизбежен: государственный язык нужен законодателям, ученым, учителям, деятелям культуры, в общем всем. Очевидно, что сильная форма лингвистического релятивизма играет на руку национальному государству.

Совсем другая ситуация складывается с миноритарными языками. Собственно, в девятнадцатом-то веке с языками малых народов считались ровно настолько, чтобы сохранился хоть какой-то способ общения с локальными этническими сообществами, и поэтому использовать такие языки для целей государственного

строительства отнюдь не собирались. Отсюда отсутствие собственной письменности, письменных законов и литературного языка у большинства народов Российской империи, если они по какой-то причине не были созданы до присоединения к России. Впрочем, в других странах дела обстояли ничуть не лучше.

В современном демократическом государстве декларировать неравноправие языков мешают соображения гуманистического характера, потому что явный протекционизм в пользу одних неизбежно оборачивается дискриминацией других социальных групп. На практике никакого равноправия, конечно, нет и в помине, потому что одни языки используются для законодательства, делопроизводства, образования и науки, а другие выполняют декоративную функцию, оживляя легким налетом экзотики местные праздники, удивляя приезжих непонятными вывесками и табличками. Реальная жизнь миноритарного языка перемещается на улицы в тех отдаленных селах и деревнях, где титульный этнос все еще составляет численное большинство, либо на кухни городских квартир, где после тяжелого трудового дня усталые служащие или рабочие обсуждают бытовые дела.

Тот факт, что поддержка миноритарных языков со стороны государства по преимуществу носит формальный и даже декоративный характер, вовсе не должен никого удивлять: по большому счету федеральное правительство в этой деятельности заинтересовано только потому, что отсутствие такой заботы вызывает недовольство локальных этнических групп и особенно самой активной их части – этнической интеллигенции. Соответственно забота эта проводится тоже в бюрократическом стиле: очень часто привлеченные специалисты, чиновники от просвещения и культуры пытаются решить проблему через комплекс массовых просветительных и культурно-досуговых мероприятий. Собственно, здесь все логично: поскольку языковой релятивизм проистекает из романтического *Volkgeist*, то они действуют единственным допустимым здесь способом: устраивают перформанс и ритуальное поклонение. Отсюда, кстати, и сакрализация языка со стороны этноактивистов: здесь язык рассматривается как скрытая сущность, своего рода «*Ding an sich*». А поскольку язык суть «душа народа»: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [Гумбольдт, 2000, с. 68], то вольный или невольный противник языка одновременно является врагом самого народа.

Речь в данном случае не идет о том, что гипотеза Сепира – Уорфа совсем плоха: как нами отмечалось ранее, она сформировалась на базе предшествующих теорий, которые преследовали вполне определенные политические и культурные цели. Дело скорее в том, что механическое применение данной гипотезы для анализа языковых сообществ любого типа уже ставит мажоритарные и миноритарные языки в разное положение, а уж использование данной концепции для формирования языковой политики полиэтнического государства сильные языки делает еще сильнее, а малые просто убивает. Поэтому задача сохранения миноритарных языков в образовательных и культурных программах, построенных с применением методологии языкового релятивизма, оказывается неразрешимой. При этом для мажоритарных языков данная методология вполне может быть применима и даже может давать хорошие результаты.

Тогда возникает вопрос о том, какая методология оказывается более удачной для преследуемых нами целей? На наш скромный взгляд, на эту роль вполне могут претендовать две исследовательские парадигмы. Одна из них связана с прагматическим поворотом в аналитической философии языка и представляет собой переориентацию с анализа структуры самого языка на анализ условий коммуникации с учетом всех социокультурных компонентов этого процесса. Вторая возможная методология – это концепция социального лица и перформативного поведения Ирвинга Гофмана (см., например: [Руднева, 2018]).

Прагматические теории языка пытаются связать эффективность языковой практики с успешностью функционирования коммуникативных сообществ. Очевидно, что такие сообщества в случае миноритарных языков должны либо ревитализировать традиционные формы культуры и хозяйственной деятельности, либо попытаться применить их к каким-то новым коммуникативным ситуациям. Первый вариант в современных условиях вряд ли осуществим при обычных условиях. Единственным удачным примером такого рода следует считать воссоздание иврита на основе древнееврейского священного языка. Но казус иврита – ситуация сама по себе уникальная, да и утверждение об аутентичности воссозданного языка оригиналу далеко не так очевидно. Второй вариант предполагает радикальное переосмысление самой идеи коммуникативного сообщества.

Здесь весьма интересен опыт артлангов, то есть искусственных языков, имитирующих естественные. К таким языкам относятся квенья и синдарин, созданные Д.Р. Толкиным для эльфов Средиземья, клингонский язык, разработанный для вымышленной инопланетной расы сериала «Стартрек», дотракийский и валлирийские языки «Игры престолов». Несмотря на изначально фиктивную природу таких языков, каждый из них порождает собственное коммуникативное сообщество разных степеней включенности. Существуют люди, которые эти языки изучают, исследуют, развивают. Здесь важен тот факт, что существование таких языков – заслуга исключительно самого коммуникативного сообщества, эти языки не изучают в школе и не существует программ их государственной поддержки. Основная функция таких языков – перформативная, использование такого языка само по себе есть факт самоидентификации, рассчитанный на восприятие окружающих людей. Феномен жизнеспособности таких языков, безусловно, факт, заслуживающий нашего внимания.

Почему именно перформативные концепции, на наш взгляд, удачнее всего отражают состояние и прагматику современных миноритарных языков? Здесь имеется два соображения: во-первых, вспомним нашего регионального горечивовника, который вынужден имитировать владение родным языком, для того чтобы в глазах окружающих выглядеть достойным собственной должности. Причем здесь часто имитация владения постепенно переходит в настоящее владение, то есть человек заучивал, заучивал и постепенно выучил. Во-вторых, требование присутствия вывесок на двух государственных языках, существование практики предоставления судебного перевода для участников судебного процесса по их желанию первоначально вызывалось информационной необходимостью. На самом деле существовали люди, которые владели исключительно родным языком, и при отсутствии информации на этом языке они не могли получить ее каким-то

другим образом. В Туве, например, такое положение сохраняется до сих пор, потому что значительная часть тувинского населения русский язык просто не знают или знают очень плохо. В то же время в Абакане подобная практика скорее носит ритуальный характер, ведь подавляющее большинство хакасского населения русский язык понимает, тем не менее само отсутствие возможности использования второго государственного языка (а в Республике Хакасия государственными языками являются русский и хакасский) неизбежно будет рассматриваться коренным населением как оскорбление народа и акт этнической дискриминации.

Эта особенность этнической психологии объясняется тем, что современная этническая идентичность, идентичность постиндустриальной эпохи, радикальным образом отличается от идентичности доиндустриального и даже индустриального периодов. Сложность и многослойность этнических культур конца XX – начала XXI в. исключает возможность всеобъемлющего их усвоения в масштабах одной личности, поэтому происходит ее дефрагментация, распадение на разнородные элементы. Вот почему описание этнического самосознания индивида как универсальной системы не представляется возможным. Один конкретный человек не может одновременно вести традиционный образ жизни, играть на всех народных музыкальных инструментах, питаться исключительно блюдами национальной кухни, писать книги на родном языке, заниматься национальными видами спорта, строить традиционное жилище и обладать еще тысячей других атрибутов этнической культуры. Еще сто лет назад такое было возможно, сегодня, в силу модернизации и урбанизации, уже нет.

Наиболее удачным, на наш взгляд, для описания современной этнической идентичности оказывается понятие фрейма: «Национальная идентичность может быть рассмотрена как набор репрезентативных масок, сценариев, ролей, сцен, используемых и исполняемых индивидом или группой с целью установления, подтверждения и демонстрации своего единства. Составляющие для связности условного множества людей в нацию конкретны (например, разделяемые всеми представителями язык, история, канон художественных текстов и т. д.), но в целом достаточно эфемерны и, в сущности, иррациональны» [Антонян и др., 2022, с. 6]. Такие наборы в конкретных ситуациях могут достаточно широко варьироваться, но тем не менее оставляют актора в рамках принятого большинством этнического поведения. Иными словами, представители одной и той же этнической группы могут относиться к разным антропологическим группам и социальным слоям, иметь совершенно разные профессии, исповедовать разные религии, носить различную одежду и быть ориентированными на совершенно разные направления в искусстве. И все эти различия в глобальном смысле не мешают им осознавать себя как этническую общность, единый народ, поскольку каждый член такого сообщества демонстрирует поведение, не выходящее за границы фрейма. Правда, все это справедливо только в глобальном смысле. На практике отношения внутри этнического сообщества практически всегда далеки от мира и согласия.

Дело в том, что сами границы фрейма оказываются подвижными, и поэтому внутри этнического сообщества всегда присутствуют более узкие консервативные или наоборот модернистские группы, для которых наборы сценариев приемлемого поведения могут достаточно сильно различаться. По всей видимости,

до недавнего времени язык рассматривался как обязательный элемент каждого такого набора, и его статус не подвергался сомнению, но сейчас ситуация меняется. Очень показательно, что последний на сегодняшний день XIV Съезд хакасского народа в 2021 году официально проводился на русском языке, хотя это и вызвало весьма неоднозначную реакцию, особенно со стороны сельских депутатов.

Очевидно, что для консервативной части этнической интеллигенции такая деконструкция оказывается весьма болезненной. Дело в том, что в рамках эссенциалистской методологии в социальных исследованиях сфера духовная почти всегда предполагает известного рода подвижничество, а подвижничество неизбежно граничит с жертвенностью. Поэтому свой вклад в этническую деятельность такие акторы зачастую обставляют как акт мученичества. Здесь можно вновь упомянуть сравнительно недавнюю историю ижевского этноактивиста Альберта Разина, который в октябре 2019 года совершил публичное самосожжение в знак протеста против языковой политики федерального центра по отношению к удмуртскому языку. Кстати, именно в рамках перформативной концепции этнической идентичности данная акция получает достаточно последовательную интерпретацию, поскольку данный поступок безусловно предполагает целенаправленное воздействие на восприятие окружающих людей и однозначно позиционируется как акт этнического поведения. Крайний характер поступка весьма ограничивает сферу его приемлемости для окружающих, но его цели и мотивы понятны практически каждому.

Прагматический подход к проблемам сохранения языка максимально дистанцируется от подобной практики, потому что культивация жертвенности и чувства вины – далеко не самая лучшая мотивация для среднестатистического гражданина и обывателя. Язык существует постольку, поскольку существует потребность в его использовании, поэтому создание таких возможностей – необходимое условие сохранения и дальнейшего развития языков, особенно языков миноритарных.

Список литературы

- Антонян К. Г., Соколова Н. А.** Перформативные практики в конструировании образов национальной идентичности // Вестн. СПбГИК. 2022. № 3 (52). С. 6–11.
- Бородай С. Ю.** Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации. // Вопр. языкозн. 2013. № 4. С. 17–54.
- Гумбольдт В.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–297.
- Руднева Е. А.** Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии: Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.19 – теория языка. СПб., 2018.
- Чистанов М. Н.** Языковые сообщества в сети: от искусственных языков к естественным // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.

Чистанов М. Н. Сравнительная прагматика естественного и искусственного языка в контексте проблемы сохранения языков коренных народов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 36–43. DOI: 10.17223/1998863X/73/3

References

- Antonian K. G., Sokolova N. A.** Performative practices in the design of national identity images. // Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 2022. № 3 (52). P. 6–11. (in Russian)
- Boroday S. Yu.** The problem of linguistic relativity today: studies in spatial conceptualization // Voprosy yazykoznaviya. 2013. No. 4. P. 17–54. (in Russian)
- Chistanov M. N.** Networked Language Communities: From Constructed Languages to Natural Languages // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.
- Chistanov M. N.** Comparative pragmatics of natural and artificial language in the context of the problem of protecting indigenous languages // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2023. Vol. 73. P. 36–43. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/73/3
- Humboldt V.** On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // Humboldt V. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1984. P. 37–297. (in Russian)
- Rudneva E. A.** Strategies of linguistic politeness in spontaneous speech interaction: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Candidate of Sciences (Theory of Language). St. Petersburg, 2018. (in Russian)

Информация об авторе

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент
Профессор кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Information about the Author

Marat N. Chistanov, Doctor of Science (Philosophy), Docent.
Professor of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Khakass
State University

*Статья поступила в редколлегию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 29.06.2023
The article was submitted 10.05.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*